

Приглашение к размышлению

РАВЕССОН И ГЕНЕЗИС БЕРГСОНИЗМА
И.И. Блауберг. Истоки бергсонизма. Философия
Феликса Равессона. – М.: ИФ РАН, 2014. – 187 с.

А.А. КРОТОВ

Новая монография И.И. Блауберг, признанного знатока творчества Анри Бергсона, позволяет читателю углубиться в предысторию французской философской мысли XX в. Написанная хорошим литературным языком, она включает в себя довольно подробный анализ основных произведений Феликса Равессона, так же как и ключевых представителей спиритуалистической метафизики первой трети XIX в. В работе справедливо подчеркивается малоизученность анализируемой тематики. «Фактически мы обходили стороной почти целое столетие, философская жизнь которого была между тем разнообразной и интенсивной» (с. 3). Даже в ведущих российских учебных заведениях XIX столетие представлено в рамках основных философских дисциплин одним именем О. Конта. Разумеется, позитивизм оказался весьма влиятельным интеллектуальным течением эпохи, но сведение развития французской философской мысли целого столетия к одному-единственному течению приводит к неправомерному сужению реального исторического контекста. Монография И.И. Блауберг как раз и призвана в определенной степени восполнить этот пробел.

Правильно очерченная историческая перспектива, разумеется, позволяет так или иначе обратиться к современной проблематике, более объемно и глубоко понять ее. В этом отношении рецензируемая монография – не исключение. Ирина Игоревна обоснованно отмечает преемственность между философскими событиями «забытого столетия» и современной ситуацией. «Без изучения и понимания этих процессов мы, думается, рискуем упустить что-то существенное и во французской философии XX – начала XXI в., которая, при всей новизне происходивших в ней событий мысли, сохраняет преемственную связь с идеями и темами предшествующего столетия» (с. 3).

Философия Равессона представлена в рассматриваемой монографии в широком контексте, позволяющем понять многие особенности ее формирования. Вся первая глава посвящена анализу «возврата к метафизике», происходившему во французской мысли первой трети XIX в. Среди персонажей, определивших начальный этап названного процесса, автор справедливо упоминает Жермену де Сталь и Пьера Ларомигьера.

Жермена де Сталь не только способствовала знакомству французской читающей публики с концепциями представителей немецкой классической философии («О Германии»), но и предвосхитила целый ряд идей, которые нашли свое продолжение в последующих учениях французских мыслителей. Ларомигьер, отправлявшийся от философии Кондильяка, подверг существенному переосмыслению идеи своего предшественника, подчеркивая роль внимания, активность субъекта в познавательном процессе. Центральное место в первой главе анализируемого издания занимает рассмотрение философских систем Мен де Бирана и Виктора Кузена. Ирина Игоревна справедливо замечает, что «Биран сказал веское слово в обсуждении фундаментальных проблем, сформулированных родоначальниками философии Нового времени — Бэконом и Декартом: это задачи философии и ее роль в отношениях с естественными науками; исследование истоков человеческого мышления, способностей индивида и его предназначения в мире; проблемы философского метода и др.» (с. 21 – 22). В первой главе дается емкая, но весьма точная характеристика представлений Бирана о развитии новоевропейской философии, об анализе сознания, о свободе. Первичный факт внутреннего чувства обнаруживает исходную двойственность, и это, по Бирану, выступает своего рода пружиной развития человеческой личности. Весьма уместна в этой связи проводимая в книге параллель между биранизмом и бергсоном: ориентация на проверяемые фактические данные как исходный пункт философии, в целом характерна для последующей линии развития французского спиритуализма, «озабоченного научностью». Философия Кузена довольно красочно представлена в рассматриваемой монографии, раскрытие идей мыслителя тесно переплетается с подробным изложением его биографии, включающей знакомство с сочинениями Фихте с помощью учителя немецкого языка, встречи с Гегелем и Шеллингом, арест в Дрездене по подозрению в подготовке политического заговора... Кузен стремился к созданию метафизики на основе психологии. Наука о душе, опирающаяся на метод наблюдения, позволяет, с его точки зрения, заложить фундамент онтологии. При этом он дает довольно оригинальное истолкование названной науки. Разум, характеризующийся общезначимостью, универсальностью, безличен по своей природе, индивидуальность души связана в первую очередь с волевым началом. Безличность разума, по Кузену, выглядела гарантией возможности достижения абсолютного знания. Но к нему невозможно прийти путем сенсуализма, — французский мыслитель отстаивал своеобразную форму рационализма, в онтологическом плане сопряженную со спиритуализмом. Этот спиритуализм послужит объектом нападок со стороны целого ряда значительных философов второй половины XIX в., поскольку свою позицию Кузен мотивировал принципом эклектизма, ссылаясь на возможность соединить разнообразные системы в их истинных элементах, которые, якобы, вполне согласуются друг с другом.

Автору монографии удастся в довольно точной форме выразить решение непростой проблемы соотношения философии Кузена и современных ей концепций представителей немецкого классического идеализма.

«Кузен в самом деле не очень разделял учения Гегеля и Шеллинга, относя их к “философии природы”. Он равным образом вдохновлялся “философией духа” Гегеля и “философией тождества” Шеллинга... Впрочем, разработанный им вариант рационализма сильно отличался от учений Гегеля и Шеллинга. Укоренившись на иной философской почве, попав в другую интеллектуальную среду, их идеи давали порой совсем неожиданные всходы, представляли в особой, «превращенной» форме, весьма далекой от оригинала. По словам самого Кузена, многое отделяло его от его «знаменитых друзей», и прежде всего это касалось проблемы метода» (с. 39 – 40). Как бы то ни было, именно спиритуализм Кузена, господствовавший в университетском преподавании, послужил, как справедливо отмечает Ирина Игоревна, той интеллектуальной средой, тем культурным контекстом, в которой формировалась философская позиция Феликса Равессона.

Философия Равессона анализируется в рассматриваемой монографии в хронологическом ключе: содержание основных работ французского мыслителя подается не «суммарно», а в порядке формирования его мировоззрения. Такой поход включает в себе немало преимуществ, позволяет читателю составить достаточно полное представление о характере духовного мира философа, о его специфике и творческом развитии. Заметим, что сходный метод Ирина Игоревна применяла и в своей предшествующей монографии о Бергсоне, во многом благодаря данному обстоятельству ей вновь удается достичь блестящих результатов. Среди прочих, автор довольно успешно решает задачу соотнесения идейного наследия Равессона с культурным контекстом эпохи. Весьма убедительно демонстрируется вызревание концепций мыслителя на фоне интеллектуальных тенденций и дискуссий XIX в.

В «Истоках бергсонизма» вполне доказан тезис о том, что уже курсовое сочинение Равессона, посвященное «Метафизике» Аристотеля, позволяет обозначить некоторые ведущие черты мировоззрения французского мыслителя: «Действительно, в этом раннем исследовании вполне четко сформулирована спиритуалистическая позиция Равессона: обращение духа к самому себе, постижение душой, направленной вглубь собственного бытия и активности, единство реального и идеального, потенции и акта – все эти положения философ будет разрабатывать и впредь» (с. 56). Чрезвычайно ценным в рассматриваемой книге следует признать анализ вопроса о шеллингианских мотивах в творчестве Равессона. По существу, уже «Опыт о метафизике Аристотеля» несет на себе черты влияния немецкого мыслителя. В «Истоках бергсонизма» впервые в отечественной исследовательской литературе представлен довольно подробный анализ докторской диссертации Равессона («О привычке»). Автор обоснованно замечает, что «главное – в самом масштабе рассмотрения проблемы, который у Равессона вырастает до размеров мироздания, универсума. Это удивительное произведение – по сути, философский трактат, где лаконично представлены основы бытия и познания, Природы» (с. 73). Справедлива и проводимая в книге аналогия между учениями Равессона и Бергсона в вопросе о связи операций

рассудка с пространством. Весьма успешно автору монографии удается продемонстрировать, что трактат «О привычке», хотя и намечает своеобразное движение от психологии к онтологии, но уже заключает в себе в дальнейшем лишь углубляющиеся расхождения с «линией Кузена», касающиеся понимания человеческого бытия, истоки которого, по Равессону, коренятся в доволевой активности.

Характеризуя «Доклад о философии во Франции», подготовленный Равессоном в связи с проведением в Париже Всемирной выставки, Ирина Игоревна законно заключает, что перед нами своего рода обоснование оригинальной версии спиритуализма. При этом «Равессон фактически подводит итог своим взаимоотношениям с Кузеном, давая его учению весьма негативную характеристику. При всех историко-философских достижениях Кузена и его коллег сам замысел эклектизма, утверждает он, потерпел провал, поскольку, предполагая выделить лучшее в каждой философской системе, Кузен на деле подчеркивал в них, напротив, заблуждения и несовершенства» (с.119). Специфика равессоновского спиритуализма в том, что он призывает, опираясь на непосредственное постижение сознания, путем аналогии восходить к абсолютному. В этом своеобразном синтетическом движении, противопоставляемом анализу, и должен состоять философский метод. Отождествляя эстетику с моралью, Равессон стремился именно на их общей основе подойти к раскрытию проблемы первоначала универсума.

В монографии рассматриваются и историко-культурные исследования Равессона, выполненные им в бытность хранителем древностей и скульптуры в Лувре. Общая тенденция названных исследований выявлена автором довольно удачно: она – в стремлении отыскать смысл, душу эпохи, находящую свое выражение в произведениях искусства. Так, например, «размышляя о причинах своеобразия и выдающихся достижениях греческого искусства, философ высказывал мысль о том, что ключ к разгадке дает преобладавшее у греков представление о порядке вещей, подобном человеческому, но превосходящем его. Греческое искусство, полагал он, исходит из идеи о существовании образов, более совершенных, чем все видимое нами, доступ к которым можно получить лишь через это видимое» (с. 135). Весьма убедительно в рецензируемой монографии раскрыта взаимосвязь исследований Равессона по истории религии с его философскими интересами. Ориентируясь в своем понимании религии на идеи позднего Шеллинга, французский мыслитель развивал идею постепенного сближения и соединения философии и религии в истории.

Поздняя концепция Равессона, содержащаяся в «Философском завещании», выступает как «героическая». Направленность этого «героизма» выделена в «Истоках бергсонизма» достаточно четко и точно: античные мифологические персонажи, которым свойственны исключительное великодушие и сострадание, становятся образцами для подражания в последующие эпохи, способствуя появлению «аристократической философии». Последняя противостоит «мелкой, плебейской», ориентированной на чувства и поглощенной низшими заботами.

Но в чем же, в таком случае, истоки бергсонизма? По существу, мы находим в книге довольно исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, ответ, выступающий как своего рода резюме всего исследования. Речь идет о целом комплексе идей, сближающих двух мыслителей: это и программа создания «позитивной метафизики» путем непосредственного постижения фактов сознания, и истолкование Вселенной как своеобразного «нисхождения» и «восхождения», и трактовка свободы, и стремление дистанцироваться, заняв особую позицию, от материализма и идеализма, и установка на «истинный эмпиризм» в познавательном процессе, предполагающий не дискурсивное, своего рода интуитивное движение к абсолютному, и понимание социальной роли выдающихся, избранных личностей. Но, вместе с тем, определенная близость позиций, как справедливо подчеркивается в рассматриваемой монографии, не должна приводить к игнорированию существенных отличий, оригинальности, свойственной двум философским учениям. «При всех несомненных сходствах, Бергсон был мыслителем совсем иного масштаба. Его новаторство противостояло классической метафизике, как он ее понимал, а в этом смысле — во многом и Равессону. Здесь главную роль сыграло понятие длительности, определившее своеобразие бергсоновского учения» (с. 160). Не менее важный пункт отличия — в отношении двух философов к науке, откуда во многом проистекает известная «биологизация», по сравнению с подходом его предшественника, понятия жизни у Бергсона. Таким образом, заявленная в названии монографии проблема получает свое убедительное, подкрепленное множеством фактов, соображений и выводов, решение.

В результате прочтения «Истоков бергсонизма» складывается вполне целостное представление об основных аспектах философии Феликса Равессона. Мы вправе ожидать от автора продолжения исследований предистории бергсоновских идей. Такие масштабные фигуры, как Жюль Лашелье и Эмиль Бутру, требуют столь же вдумчивого отношения, их наследие еще ждет со стороны российского академического сообщества своего внимательного интерпретатора.